

Андрей МАКСИМОВ

ЛЮБОВЬ В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

веселая история о грустной любви

ДЕЙСТВУЮТ:

ОНА – женщина, не желающая стареть

ЕЕ МУЖ - немолодой человек обыкновенной наружности

ЕЕ ВРАЧ – мужественный, стильный, молодящийся

ИЯ – другая

Время действия: сейчас

Место действия: здесь

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Полумрак.

Атмосфера какая-то нерадостная...

ОНА (*выбегает на сцену, видно, что она сильно возбуждена*). Ты – сволочь! (*Не может найти слов*). Я... Ты... Ты хоть понимаешь, что ты... И, главное, так спокойно говорит мне... Как будто: «Я пойду за пивом схожу...» И – такое несет! В подробностях рассказывает! А мы ведь десять лет вместе... Это все куда, а? Эти десять лет на антресоли, что ль, засунуть, и по праздникам любоваться, а? Нет, скажи мне: а?

Выходит МУЖ. Невзрачный, невысокий, лысоватый человек недотепистого вида. Есть такие мужчины, на которые природа словно поставила печать вины.

(*Мужу; словно что-то вспоминая*). Не, не, не... Не так, не так... Подожди, подожди...

Муж уходит.

(*садится на стул посреди сцены, лицом к залу, говорит серьезно, без иронии*). У меня муж очень красивый, статный такой. Мужик, одно слово. Женщина ведь на мужчину реагирует, как на букет: не глазами, а носом чует. Принюхивается – мужик, ну, тогда – схватить, в вазочку поставить, чтоб рядышком стоял, и не вял чтобы. А мой, мало того, что статный, так еще и интересный очень: сигареты каждый день разные покупает. Для разнообразия жизни, говорит. Говорит: какое у меня сегодня настроение, такие я сигареты и покупаю. В жизни, говорит, должна быть система: утром встал, про настроение свое подумал, и соответствующие сигареты купил. Потому что, говорит, или ты систематизируешь жизнь, или она тебя так систематизирует, что не очухаешься... Трогательный очень... Мужчина – он же ведь, как сериал по телевизору, должен быть занятым и трогательным, иначе многосерийку-то не выдержать... А мы десять лет вместе. Десять!

Выходит МУЖ.

МУЖ. Девять.

ОНА. А ты откуда свой отсчет ведешь, со штампика или от первой нашей ночи? Какая ночь была! Не ночь, а теракт с многочисленными жертвами!

Неожиданно взрывается музыка.

Она и Муж танцуют. Этот танец можно было бы назвать эротическим или страстным, - как кому больше нравится.

(*в танце; залу*). После той ночи я поняла, что правильно все унюхала... Утром проснулась и поняла: не отдам!

МУЖ (*отстраняясь*). Вот этого не надо всего...

Музыка обрывается.

Воспоминания душу греют, а сегодня, - это не нужно. Так сегодня не надо. Сегодня я курю «Приму», ясно? А нашей семье ровно девять лет. Не десять, а ровно девять. Сегодня я говорю правду.

ОНА. Горло - то не дерет «Прима» твоя?

МУЖ. А что делать? Думаешь, мне легко? Врать, конечно, было бы проще. Если бы я изворачивался, я бы «Марлборо» курил, или даже «Давыдофф», - у него пачка изысканней. Но врать не желаю, - от того и живу плохо. А у меня система: когда живу плохо, - курю только плохие сигареты.

ОНА (залу). Тут он сигареты достал, закурил, закашлялся... А он, когда кашляет, жалкий становится, маленький... Так-то он у меня мощный такой, могучий, а тут – прямо, как ребенок...

МУЖ. Думаешь, мне легко всю нашу жизнь разрушить? Девять лет, - это, конечно, не десять, но тоже ведь немало. Ты верно заметила: их на антресоли просто так не засунешь. Нет таких антресолей, на которые можно прошлое положить.

ОНА (залу). Он умный очень, ну, муж-то мой... Иногда так красиво говорит, как телевизор. Мужчина должен говорить красиво. Хоть иногда. Это обязательно. Если мужчина красиво разговаривать не умеет, ты его и не унюхаешь ни за что. И в вазу не поставишь. Разврат - он с чего угодно может начаться, а вот любовь, - только со слов. Вот у нас как все началось?

МУЖ. Про это говорить не стоит.

ОНА (залу). Стесняется он про наше знакомство вспоминать. Однажды даже сказал мне: «Давай, придумаем что-нибудь красивое про нашу встречу!...»

МУЖ (продолжая Ее слова). Ну, типа: она бежит, а он ее догоняет. Или, скажем, утро... Троллейбус, давка... Я – на машине, а она туда не влезла... в смысле, в троллейбус... Я небрежно так подъехал: «Мол, куда?» Довез. Она: «Сколько я вам должна?» А я так небрежно опять же, но вежливо: «Только телефон, если можно...» Туда там, – сюда... Вот тебе и свадьба. Или можно наоборот... там... не знаю... Ночь бандиты, то да се... Налетели, схватили... Ее, конечно... Тут я... Туда - сюда... Бандитов раскидал... Не, ну, в крайнем случае, милицию вызвал – не важно, главное, чтобы мы потом вдвоем остались, я б ей там... не знаю... слезы... там... То да се... Туда там – сюда... Вот и поженились.

ОНА. Красиво...

МУЖ. Так надо. Чтобы все по-людски было, по-человечески...

ОНА (залу). А на самом-то деле мы познакомились потому, что я туалеты мыла.

МУЖ. Опять... Ну, не надо про это. Прошу ведь!

ОНА. А чего такого? Можно подумать, мое призвание туалеты мыть? Нет, конечно. Разве мог мой муж полюбить женщину со столь сомнительным призванием? Не, тут не в призвании дело, а в графике.

МУЖ. Ну, неужели надо обязательно...

ОНА (*перебивает*). Ну, по правде же так было! (*Залу*). Вообще, с мойщицей туалетов очень удобно знакомиться. Я ж говорю: есть график мытья туалетов. Прямо на двери висит. То есть, если тебе надо, – ты точно знаешь, что в определенное время женщина в это место точно придет. Поезд и тот может опоздать. Даже самолет. А мойщица туалетов никогда! И вот я прихожу, и он приходит. Я и он. И он всегда чуть раньше. Так получается: я прихожу, а он меня уже ждет. Почему он в одно и то же время около этого туалета стоит? Так же не может быть, чтобы желудок у человека по часам работал, да и потом дома у нас все отуалечены... Значит, дело не в желудке. Любовь – она ведь как собака бездомная: ей все равно, где родиться, ей, что туалет, что ромашковый луг, что поляна под звездами...

МУЖ. Я не могу больше скрывать от тебя... И не хочу... Я люблю другую женщину.

ОНА. Не, не, не... При чем тут другая женщина? Ты забыл! Ты ведь тогда прямо так и сказал: любовь, ты сказал, она как собака бездомная... (*Залу*). Ни тебе, например, «Здрасьте», или там: «Девушка, как вас зовут... Давайте познакомимся для взаимного интереса...» Ни фиги!.. Я унитаз тру, а он мне: «Любовь – как собака бездомная, ей все равно, где родиться...»

МУЖ. Перестань! Человек не может жить прошлым!

ОНА. Давись своей «Примой»! Много ты понимаешь!

МУЖ. Я полюбил другую женщину, и хочу, чтобы ты об этом знала. Так надо. Она – молодая, красивая, но, главное, она очень нуждается во мне.

ОНА. Мужчины относятся к себе, как к «Скорой помощи», Ей-Богу. А бабы для них все, – больные. Поголовно. И так мы в их лечении нуждаемся, прям, помрем, если они нас не полечат... Одно обидно: я так никогда и не узнаю, какие слова он ей при встрече сказал, уродке этой... (*Залу*). Он по телефону слишком громко с ней о встрече договаривался, ну, я место встречи поняла: решила поглядеть, кто мои десять лет...

МУЖ (*перебивает*). Девять.

ОНА. Кто всю мою жизнь на антресоли выкинул.

Музыка.

В танце появляется ИЯ, - молодая, красивая, высокая девушка. Есть такие молодые женщины, которые цепляют любой мужской взгляд.

Сначала Ия танцует одна, затем, - вместе с Мужем.

Уродка! Ноги короткие, шеи вообще нет, тощая, как змея. И вообще, на змею похожа. Выражение лица такое, будто она целыми днями лимоны жрет. Даже обидно стало: мой муж, мой красавец, и связался со змеей, которая лимоны жрет! Я сразу ей имя придумала: Ия. Почему Ия? И я – потому что. И я... (*Зовет*). Ия!

ИЯ. Меня зовут...

МУЖ. Не связывайся с ней, пойдем. Она – сумасшедшая.

Ия и Муж уходят.

ОНА (*залу*). Я тогда еще не была сумасшедшей. Просто у меня мужа увели, а сумасшедшей я тогда еще не была.

Вбегает МУЖ.

МУЖ. Ты не должна на меня злиться, ты должна меня понять. Обязательно. Я к тебе очень хорошо отношусь, нас многое связывает, девять – девять! – лет совместной жизни. Но я ничего не могу с собой поделаться, ты же знаешь: любовь – она...

ОНА. ... Как бездомная собака. Я помню. Я не сумасшедшая.

МУЖ. Хорошо. Видишь, как все хорошо складывается. Ты не думай, я ни на что не претендую... Я не буду разменивать нашу квартиру...

ОНА. У нас такая квартира, что ее можно разменять только на две тюремные камеры.

МУЖ. Смешно. Я заработаю и куплю... Ты не должна чувствовать собственную ущербность, понимаешь? Ты очень много для меня значишь, мы вместе...

ОНА. ... Девять лет. Я помню. Я не сумасшедшая.

МУЖ. Понимаешь, я бы прямо сейчас ушел, чтобы тебя не раздражать. Но мне некуда. У нее дома... там... Отец, братья... Отец – вообще сумасшедший практически. Человек старой закалки. Понимаешь, что это значит?

ОНА. Нет.

МУЖ. Заслышав первые звуки гимна, вскакивает даже на кухне, и стоит, пока не отыграет. Вот мы все гуляем и гуляем, гуляем и гуляем. В рестораны часто ходить не можем, – деньги копим себе на квартиру.

ОНА. А со мной ты и просто так не ходил, и в рестораны не ходил.

МУЖ. Так я ж про это и говорю. За девять лет с тобой я совсем мало башмаков износил, - ты ж знаешь, как я к обуви аккуратно отношусь. А тут... Сколько мы и ходим-то?... Смотрю: подошва почти сносилась вся.

ОНА. Тяжело...

МУЖ. Ну. Иногда, правда, друзья ключи от квартиры дают... Но это редко...

ОНА. Для чего ты мне все это рассказываешь?

МУЖ. А чтобы ты знала. Ты все должна про меня знать. Так надо. Ты пойми: я привык тебе все рассказывать, но ты не волнуйся: я отучусь... Пока, конечно, будут некоторые неудобства... Некоторое время мы будем жить с тобой просто, как соседи. Как хорошие, добрые соседи. И ты не волнуйся: спать мы будем в разных местах, всенепременно в разных. Так надо.

ОНА. Я не хочу спать с тобой в разных местах! Не хочу!

Музыка.

Она старается вовлечь его в танец.

Не хочу спать с тобой в разных местах! Не хочу!

Входит ИЯ.

ИЯ. Дорогой, сегодня особенная, волшебная погода. Знаешь, бывает погода, - как погода, а сегодняшняя, - словно, подарок самого Господа Бога...

МУЖ (заворожено). Да, да...

ИЯ. Поедем за город, на природу... Мы будем ходить по полям и петь песни... (Поет).

Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть по одиночке.

Знаешь, дорогой, когда поешь в полях, то кажется, что тебя слушает сам Господь Бог...

МУЖ. Конечно, поедем...

ИЯ. Только всенепременно надень сапоги, - там ведь грязь, наверное...

МУЖ. Сапоги? Конечно... Обязательно! Сапоги – это хорошо. У них – подошва крепкая.

Муж и Ия уходят.

ОНА. И они уезжали. Петь песни. А я оставалась. Мне стало ужасно не хватать его, - человека, с которым я прожила девять лет. Это было ужасно, потому что мне все время хотелось его видеть. Чтобы он просто тут рядом чего-нибудь бубнил про свои сигареты. Но его не было. И что обидно: я ведь не просто так оставалась, но оставалась совершенно не у дел... А когда у человека нет никаких дел, человек начинает предаваться всяким занятиям: вот и я пыталась смотреть телевизор или читать... Ничего, кроме тоски, это не приносило. Я вообще стала думать, что все книжки и фильмы рассказывают про одно и тоже: про то, что жизнь проходит. Хоть мексиканские сериалы возьмите, хоть наши боевики, да хоть «Анну Каренину» – все долдонят и

долдонят: жизнь проходит, жизнь проходит, жизнь проходит... Никаких сил нет...

*Вбегает МУЖ. В руках у него – букет цветов.
Муж подбегает к Ней, падает на колени.*

МУЖ. Это тебе, любимая.

ОНА. Мне?

Муж хватает ее на руки, носит по сцене.

МУЖ. Тебе! Тебе! Только тебе! Слушай, пойдем в ресторан, а? Мы так давно не сидели с тобой в ресторане!

ОНА. Да мы вообще никогда не сидели с тобой в ресторане, никогда! (*Отходит от Мужа; залу*). Я думала, что буду, как человек, потихоньку страдать где-нибудь о своем муже, вспоминать про него всякие счастливые мгновения. Ну, чтоб все по-людски было, как в кино показывают. Однако, почему-то я не вспоминала, а мечтала, то есть, как бы вспоминала о том, чего не было...

Пока Она говорила, Муж подметал пол.

МУЖ. Как обидно быстро закончился весь мусор! Не найдется ли у тебя какой-нибудь грязной посуды? Я бы помыл. Все ли гвозди вбиты в доме? Кстати, с сегодняшнего дня я курю сигареты «Мор» – мне очень нравится их длинная красная пачка. Я курю эти сигареты в честь тебя!

ОНА. Я абсолютно верила этим воспоминаниям - мечтам. Мне казалось, что жизнь с ним и вправду была такой...Как будто и вправду все девять лет была такая изумительная, невероятно красивая сказка...

МУЖ. Так мы идем в ресторан?

ОНА. Конечно.

МУЖ. Нет. (*Падает на колени*). Я не могу идти в ресторан с женщиной, которой даже не удосужился объясниться в любви. Где тот туалет, который столь счастливо свел нас? Я бы так хотел вымыть его вместо тебя! Где твои проблемы? Я бы так хотел решить их за тебя. Где твоя жизнь, в конце – концов? Я бы так хотел прожить за тебя все ужасы жизни, чтобы тебе осталось только счастье – огромная солнечная поляна, и чтобы ты шла по ней, шла, и поляне этой не было бы конца. Ты веришь мне?

ОНА. Конечно. (*Залу*). Он никогда не объяснялся мне в любви. Никогда! Тогда вот около унитаза сказал красивые слова, - и все. Вы представляете, я женщина, которой ни разу не объяснялись в любви?!

МУЖ. Ну, мы идем в ресторан? Нам ведь есть с тобой, что отметить. Как ты думаешь, за что провозгласим мы наш первый тост.

Входит ИЯ.

ИЯ. Мы провозгласим его за ту невероятную, непознанную силу, которая вдруг соединяет двух людей, и делает их самыми близкими на свете!

ОНА. Эта уродка всегда возникала так внезапно и некстати, просто врывалась в мои мечты и убивала их...

МУЖ (Ие). Любимая...

Ия и Муж целуются.

ОНА. Как я красиво все придумывала! И тут, - она, Ия эта... Она была, знаете, как что?.. Знаете? Как вот... я не знаю... там... идешь где-нибудь на природе: солнце, листва, птицы поют, небо голубое, речка чистая... И вдруг: запах дерьма. Вот она какая была...

Ия и Муж уходят.

Сначала я пыталась прогнать ее из своей головы, но она все равно возникла – наглая, отвратительная и вонючая, как.... Ну, я уже говорила... И тогда я поняла, как я смогу ей отомстить... Ну, хотя бы для себя... (*Уходит*).

МУЖ и ИЯ идут, взявшись за руки, и поют.

МУЖ и ИЯ (хором).

Поднявший меч на наш союз
Достоин будет худшей кары.
И я за жизнь его тогда
Не дам и самой ломаной гитары.
Как вожделенно жаждет век
Нащупать брешь у нас в цепочке.
Возьмемся за руки, друзья!
Возьмемся за руки, друзья!
Чтоб не пропасть по одиночке!

Появляется ОНА в старушечьем одеянии. Идет шаркающей походкой, говорит старческим голосом.

ОНА. Что это вы тут разорались? Не в концерте, чай.

МУЖ. Плохо поем?

ОНА. Коты на крыше поют плохо, а вы – отвратно! От такого пения вянут все растения.

ИЯ. Зачем же вы злитесь? Мы, конечно, не трио теноров, но...

ОНА (перебивает). Во-во, сейчас третьего позовете, бутылочку... Туда-сюда... Потом такой ор устроите...

ИЯ. Ну, почему ор, почему? Это очень красивая песня, ее написал Булат Окуджава.

ОНА. Окудзява... Еще не хватает японские песни орать в наших русских дворах! Пошли вон отсюда, пока я милицию не вызвала! (*Уходит*).

Он и Ия присаживаются на скамейку, или на край сцены. В общем, присаживаются куда-то.

МУЖ. Мы с тобой неприкаянные какие-то и это не правильно. Я вот сигареты «Мор» курю, – пачка длинная, красная, а жизнь все одно, красивой не становится. И вот это нарушение системы меня очень раздражает. Очень...

ИЯ. А меня раздражает то, что ты куришь...

Молчание.

Ты не должен печалиться по поводу нашей неприкаянности. Это нормально. Влюбленные всегда бездомны. Потому что им и так хорошо.

МУЖ. Мм-мм... Только холодно очень.

ИЯ. А ты прижмись ко мне, - будет теплей!

МУЖ (*прижавшись*). Так оба заболеем... Слушай, мы же взрослые люди, да? Современные, да? Что мы как эти... трудные подростки, честное слово, только не хватает «Беломор» закурить... Пойдем в гостиницу, снимем номер, по дороге купим шампанского, выпьем...

ИЯ (*мечтательно*). Можно прямо в номер заказать... В дверь осторожно постучит официант в черном фраке, и...

МУЖ (*перебивает*). Да ты что?! Это ж раз в пять дороже получится... Ну, чего, идем?

ИЯ. Это так банально, - гостиница...

МУЖ. Зато тепло. Пошли.

*Выходит ОНА в строгой, почти официальной одежде.
Муж и Ия подходят к Ней.*

(*Ие*). Ты тут постой пока, я пойду договорюсь. (*Подходит к Ней*). Здравствуйте.

ОНА (*говорит голосом строгим, официальным, как и ее одежда*). Не уверена.

МУЖ. Ну, что вы? Вы так хорошо выглядите.

ОНА. Дальше.

МУЖ. Я хотел бы снять у вас номер.

ОНА. Вы один?

МУЖ. Как вам сказать...

ОНА. Значит, не один. Дальше...

МУЖ. А, собственно, все... Я хотел бы снять у вас номер на сутки.

ОНА. Штамп в паспорте есть?

МУЖ. Какой?

ОНА. О прививке на СПИД... Какой... Вы что не знаете, какой штамп должен быть в паспорте мужчины и женщины, чтобы я могла их поселить вместе? Дальше...

МУЖ. Я думал, сейчас уже другие времена.

ОНА. Времена для людей без штампа в паспорте всегда одни и те же. Дальше...

МУЖ. Хорошо, в таком случае я сниму два одноместных номера. На сутки. Пусть это будет дороже, хорошо.

ОНА. Что это значит такое «хорошо»? Вы что хотите гостиницу в публичный дом превратить? Вы хотите, чтобы люди из соседних номеров жаловались, что у них из-за стены какие-то подозрительные, неприятные звуки слышатся?

ИЯ (*берет Мужа за руку*). Пойдем отсюда.

МУЖ (*Ие*). Погоди, погоди... (*Ей*). А когда у вас люди со штампом в паспорте селятся, никаких подозрительных и неприятных звуков из-за стены не раздается? Штамп в паспорте, что ли, имеет на звуки некоторое влияние?

ОНА. Только вот не надо умничать здесь. Конечно, имеет. Те, которые со штампом, - они для другого в гостинице селятся, они отдыхать селятся. А вы известно для какого громкого дела тут разместиться хотите. Ничего у вас не выйдет. Я – опытный работник. Я разврата в вверенном мне государственном учреждении не допущу! Дальше... (*Уходит*).

ИЯ. Ты не помнишь, по-моему, это у Достоевского: «Знаете ли вы, милый мой, что это такое, когда человеку некуда пойти»?

МУЖ. Что за дела?! Такой огромный мир, и некуда деться двумя маленьким людям... Неужели придется начать курить «Дымок»? Послушай, разве у тебя нет подруги, к которой можно зайти на пару часиков?

ИЯ (*говорит, словно в телефонную трубку*). Дорогая, это я, твоя подруга. У тебя не найдется тихой, уютной комнатки с кроватью, где я могла бы переспать с мужиком? (*Мужу*). Так, что ли?

МУЖ. Прости...

ИЯ. За что?

*Муж и Ия снова садятся, прижавшись друг к другу.
Выбегает ОНА.*

ОНА (кричит). Мне их было жалко! Нет, ну, это – чушь, бред, то, чего не может, не должно быть. А мне все равно было их жалко! Чем больше я представляла, как они неприкаянные бродят по городу, тем больше я жалела. Его. Глупость какая-то.

*Муж и Ия целуются, прощаясь.
Ия уходит.
Муж подходит к Ней.
Он хмыкает носом, чихает.*

Ты что – простудился?

МУЖ. А тебе, какое дело?! Предположим, простудился, заболел... Умер... Тебя-то что? Меня в твоей жизни не существует! Ты меня вышвырнула из своей жизни! Я бы даже позволил себе такое сравнение: вышвырнула, словно отслуживший свое башмак...

ОНА. Какой башмак – ты что? Я ведь наоборот хотела...

МУЖ (перебивает). Ты воспользовалась тем, что я попал в трудную ситуацию. Да, ситуация трудная, тяжелая... Да, я влюбился. Но ведь, согласишься, от хорошей жизни мужчина не влюбляется.

ОНА. Разве у нас была плохая жизнь?

МУЖ. А ты подумай сама: если бы в нашей с тобой жизни все было хорошо и славно, как у людей, - зачем бы мне тогда влюбляться в другую женщину? Пораскинуть мозгами сама: неужели мужчина может уйти от той, с кем ему хорошо, уютно, интересно, наконец? Да ни за что! Ты сейчас злишься на меня, тобой руководит эмоция, но наедине с самой собой, одинокими ночами, разве ты сможешь утверждать, что сделала все, дабы наша жизнь была прекрасной?

ОНА. Чтобы ты курил сигареты «Давыдофф»?

МУЖ. Образно говоря: да. Признайся: тебя ведь никогда не интересовал мой глубокий внутренний мир. Что ты сделала для того, чтобы, скажем, расширить мой кругозор? Что ты предприняла, чтобы быт не заел нашу жизнь?

ОНА. А ты?

МУЖ. Вот оно – начинается. Банальный пример типичной семейной ссоры. Потому что, по сути, тебе ведь нечего возразить: остается перейти на взаимные оскорбления. Вот так мы и живем с тобой эти девять лет! Ты никогда не хотела дойти до сути проблемы. Тебе куда проще - оскорбить! (*Отходит, достает пачку «Мор», закуривает*). Ты вынудила меня... Там... На сторону идти!... Вынудила! Ты!

ОНА (залу). Самое ужасное, что он не был совсем уж не прав! В чем даже он был прав. Я, на самом деле, чего-то не доделала... Чего-то самого главного я, наверное, не совершила для человека, которого люблю... Детей вот у меня нет... Это другая история, неинтересная, но просто так получается, что он самый дорогой для меня человек... Могла б для него постараться... Не вышло.

МУЖ. И запомни: меня нет в твоей жизни, нет! И не смей мною интересоваться! Не смей!

ОНА. Вообще, я думала, думала, горевала, скучала, мечтала... И решила пригласить их обоих в гости.

МУЖ. Ия, мы идем сегодня вечером ко мне! Мы идем сегодня вечером ко мне! (*Убегает*).

ОНА. Нет, я тогда еще не была сумасшедшей. Я просто его пожалела. Разве жалость к любимому человеку является признаком ненормальности?

*Звучит музыка – та, которая для нее музыка любви.
Она танцует под эту музыку.*

ОНА (*продолжая танцевать*). Он позвонил ей по телефону, и мне показалось, что он назвал ее – Ия... Или слышалось? Странно... Ведь это я придумала, а он называет! Только он один умеет угадывать мои мысли! (*Продолжая танцевать, накрывает на стол*). У нас так давно не было гостей... Нет, он прав: что-то я не так делала в нашей жизни, что-то я делала не так.

Музыка обрывается.

(*Оценивая накрытый стол*). Когда я уже накрыла стол, я подумала: неужели эта молодая уродка согласится придти в мой дом?

*Звонок в дверь.
Входят МУЖ и ИЯ.
В руках у Мужа – букет цветов.*

Когда я увидела ее на пороге своей квартиры, мне показалось, что меня накрыли каким-то колпаком, и начало нашей встречи я помню очень плохо... Он, вроде бы, представил нас друг другу, мы даже, как будто, пожали друг другу руки... И еще помню, что он явился с букетом цветов... Меня это ужасно обидело: словно, в гости явился – мне-то ведь он цветы никогда не дарил.

*Она, Муж, Ия – за столом.
Молча накладывают на тарелки.*

МУЖ. Ну, как говорится, за знакомство!

*Чокаются, пьют.
Молча едят.*

Как говорится: между первой и второй перерывчик небольшой.

ОНА. Чай, не в подворотне... Надо тост сказать...

ИЯ. А давайте выпьем за дружбу. Людей подчас связывают такие парадоксальные связи! Иногда даже не верится, что...

ОНА (*перебивает*). Ну, за дружбу – так за дружбу.

Чокаются, пьют.

ИЯ. Как причудливо сплетается узор человеческих взаимоотношений, не так ли? Иногда кажется...

ОНА (*перебивает*). Как вы правы! С кем только не приходится в жизни водку пьянствовать. (*В сторону*). Какая она все-таки дура со своим причудливым узором! Так бы и дала ей в лобешник ... Но нельзя. И ему неприятно будет, и потом она, – какой – никакой, а все-таки, - гость... (*Ие*). Как салатик, не пересолила?

ИЯ. Что вы! Весьма вкусно. Вы так замечательно готовите! А я, представьте, совершенно не умею готовить. Даже забавно... У меня с солью прямо сражения происходят, причем, я всегда проигрываю...

ОНА (*в сторону*). Это сообщение меня очень обрадовало: я ведь знаю, как он любит вкусно поесть. (*Ие*). У нас на горячее – мясо, запеченное с сыром. Вы умеете запекать мясо с сыром?

ИЯ. Нет, вы знаете, я и без сыра не умею.

МУЖ. Выпьем за искусством кулинарии!

Чокаются, пьют.

ИЯ (*Ей*). Вы последний роман Пелекунина не читали?

ОНА. Я, знаете ли, и предпоследний не читала. Все как-то недосуг: то, понимаете ли, то, то, видите ли, се...

МУЖ. Выпьем за литературу. За великую русскую литературу.

Чокаются, пьют.

ОНА (*в сторону*). И тут она ему подмигнула, или какой-то другой знак подала. Он молча встал из-за стола и вышел.

Муж встает и выходит.

И я поняла, что у них сговор такой. Что это они так придумали, чтобы мы мы с Ией вдвоем остались. Она, может, и пришла, чтобы со мной поговорить... А мне это надо? Но скандал устраивать глупо, опять же, - его в дурацкое положение поставлю...

ИЯ. Я хотела сказать... Ну, вообще... Я вижу, что вы – современная женщина, и потому не должны на меня обижаться, а я...

ОНА (*перебивает*). Наконец-то найдено определение современной женщины... Современная женщина – это такая замечательная дама, которая не обижается, когда у нее уводят мужа.

ИЯ. Опять вы об этом! Муж –все-таки не собака. Его нельзя привести или увести. Он ведь живой человек, правда?

ОНА. Правда. Выпьем по - бабски. За мужиков!

Не чокаются, пьют.

Что это мы – за мужиков, как за умерших?

ИЯ. А где они – мужики -то? Только у меня дома и остались.

ОНА. В смысле?

ИЯ. В прямом. У меня ж дома, знаешь... Ничего, что мы «на ты»? Мы ж вообще... где-то... как-то... Почти родственники... В высоком, в чеховском, смысле этого слова.

ОНА (*залу*). Я ничего не поняла, что она сказала, но ума хватило промолчать... Смотрела на нее по-умному, и молчала.

ИЯ. Так вот, сестренка, у меня дома, как в сказке: два брата и сестра. Ну и отец, конечно...

ОНА. Который как гимн на кухне услышит, - так вскакивает?

ИЯ. Он. И ведь, главное, сколько ни выпьет – все равно стоит. Без гимна, бывает, падает, а если гимн играют, - стоит.

ОНА. Старая закалка.

ИЯ. Ну. Короче, я с мужиками росла. Маму –то мою убили...

ОНА. Кто?

ИЯ. Мужик, разумеется. Пьяный гаишник. Мама, отец с братьями ехали в гости за город, в них пьяный гаишник въехал... Мужикам хоть бы что... Так... Царапины... А мама погибла... Мне пятнадцать лет было. Отец с тех пор и запил...

ОНА. Ну что, не чокаясь, за твою маму?

Пьют.

(Залу). Знаете, как бывает: человек пьет, пьет, - и нормально. А потом рюмочку выпил, маленькую, грамм пятьдесят. Но вот тут-то и поплыл. Типа: через край перелилось.

ИЯ *(встает, подходит к Ней)*. Вы – добрая женщина и несчастная. Мы обе – такие несчастные. *(Обнимает Ее)*.

ОНА *(залу)*. Я - не полная дура, я понимала, что эта уродина на жалость бьет... Истории ее не верю... Когда у людей трагедии происходят, - люди лучше делаются. А эта...

ИЯ. Скажи, сестренка, мы будем дружить, правда?

ОНА *(залу)*. Мне так хотелось толкнуть ее из-за всей силы, чтоб она упала на пол, и я бы ее тогда -ногами, ногами, ногами... Как в кино...

ИЯ *(сползает и падает перед Ней на колени)*. Я так перед тобой виновата, так виновата.

ОНА *(залу)*. Но крошечным, однако, свежим кусочком своего, выходящего из строя сознания, я понимала: рядом – он. И если я начну ее бить, - мне, конечно, будет хорошо. А ему – плохо. И я терпела.

ИЯ. Молчишь? Настоящая женщина. Ну, отчего... Он? Я? Мы? Отчего? Отчего так несовершенно устроен мир, отчего? И ведь не по – чеховски несовершенно, а куда более зло. Правда?

ОНА. Выпьем?

ИЯ. Да, да, да... Конечно. *(Вскакивает, бросается к столу)*. За женскую дружбу, давай!

Чокаются, пьют.

ОНА *(залу)*. Помню, я тут подумала некстати: почему я назвала ее Ия? Надо было назвать ее Нея. Не я... Ия... Почему? Но ответить на вопрос я уже не смогла. Я уже вообще не могла отвечать ни на какие вопросы.

ИЯ. Ты о чем думаешь, о неприятном?

ОНА. О тебе я думаю, девочка. О тебе. *(Кричит)*. О тебе!

Входит МУЖ.

МУЖ. Обо мне? Не может быть, как мило... Вижу, девочки, что вы подружились? Это правильно. Не закурить ли нам «Давыдофф»? Видите, оно как все: судьба мне подчиняется, - пачечку купил, вы и подружились. И выпьем, разумеется. За дружбу!

Чокаются, пьют.

ОНА. А я вот вообще хочу спросить: вы как вообще верите в это самое... В дружбу между мальчиком и девочкой?

ИЯ. Конечно. Разумеется...Дружба – это святое понятие... Вот, когда у меня папа погиб...

ОНА. Ты про маму рассказывала такую трогательную историю...

ИЯ. Правильно. Когда у меня мама погиб, только друзья спасали. Только друзья. И мальчики там были, и девочки, - только друзья.

МУЖ. Мальчики, девочки... Это ведь все такие условности, правда? Главное, чтобы люди были настоящие, такие люди, такие...

ОНА. Чтобы подарить такому человеку пачку сигарет, самую красивую, и не жалко, да?

МУЖ. Ну. *(Показывая на Нее, Ие).* Как она все-таки меня хорошо знает... Ну, девчонки, за людей. За Божьих, так сказать, тварей...

ИЯ. За тварей не буду пить...

МУЖ. Ну, тогда не за тварей, а за этих... За созданий...

ИЯ. За созданий буду.

ОНА. А иногда и не разберешь: тварь или создание, правильно? Пьем!

Чокаются, пьют.

ИЯ. Давайте споем. Нашу.

*Запевает Ия, Она и Муж с готовностью подхватывают.
Поют сначала тихо, постепенно все более и более заходясь.*

Поднявший меч на наш союз,
Достоин будет худшей кары.
И я за жизнь его тогда
Не дам и самой ломаной гитары.
Как вождельно жадет век
Нащупать брешь у нас в цепочке...
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, друзья,
Чтоб не пропасть по одиночке.
Среди совсем чужих пиров
И слишком ненадежных истин
Не дожидаясь похвалы,
Мы перья белые свои почистим.
Пока безумный наш султан
Сулит нам дальнюю дорогу,
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, ей - Богу...

ОНА (Залу). Так меня эта песня проняла... Как-то по-настоящему проняла, всерьез... И, к тому же, мне еще неудобно было, что я, пусть в мыслях, но все-таки обозвала Окуджаву японцем... Окуджаву! – и японцем. Хорошего человека обидела ради красного словца. Зачем?

Пока Она говорила, Ия и Муж продолжали петь.

Когда ж придет дележки час,
Не наш калач ржаной поманит,
И рай наступит не для нас,
Зато Офелия всех нас помянет.
Пока ж не грянула пора,
Нам отправляться понемногу.
Возьмемся за руки, друзья,
Возьмемся за руки, ей – Богу.

(Залу). Хорошо так пели, душевно. Выпили снова. А потом муж спросил: «Ничего ведь, правда, если она у нас останется? Не идти ж ей в ночь?» А я кивнула: Бог с ним, ничего...

Муж и Ия, смеясь, уходят в обнимку.

Я своим отказывающим сознанием еще подумала: «Хорошо все-таки, что у нас квартира хоть и маленькая, но двухкомнатная. А то бы совсем, Бог знает что получилось... (говорит совершенно трезвым голосом). Я ведь тогда еще не сошла с ума, правда? Я просто думала быть благородной... Не, не правда. Ну, и чтобы он рядом был... Пусть с довеском этим отвратительным, но – рядом... И это не правда. Ни о чем я не думала, ничего не хотела. Просто вышло так. Могло бы выйти иначе, а вышло – так. Так мы стали жить втроем.

Через сцену стремительно проходит ИЯ.

ИЯ. Послушай, милочка, он уже сто лет супа не ел. Так не надо. Неужели тебе трудно сварить борщ или бульон, на худой конец.

ОНА. Нетрудно.

ИЯ. Ну вот. А то ведь у меня ничего нет получается... ну, сама знаешь (Со смехом уходит).

ОНА. Знаю. Эта дура варила курицу на быстром огне. Вся вода, разумеется, выкипела, - осталось желе. Идиотка...

*Через сцену стремительно проходит ИЯ.
В руках у нее мятая рубашка.*

ИЯ. Слышь, сестренка, ты ему рубашку-то погладь, а то у него совещание сегодня важное, а рубашки не глаженные все. Тебе ж нетрудно рубашку погладить? (Протягивает Ей рубашку, уходит).

ОНА (*держа в руках рубашку*). Мне не трудно... Я вообще привыкла ему рубашки гладить, там... Потом, опять же, я, когда его рубашки гладила или там вермишель варила для бульона мелкую – он, знаете, мелкую такую любит, козявками, - я, вроде, как с ним вместе жила...

Звучит музыка.

С рубашкой в руках Она начинает свой танец.

Тут ведь как? Если настоящая жизнь, - отвратительна, надо перестать жить этой жизнью, - пусть течет себе мимо, и начать жить иным, - воспоминаниями или там... мечтами... Это очень помогает. Очень.

Музыка обрывается.

Но ненадолго.

Стремительно входит ИЯ.

ИЯ. Слышь, сестренка, он говорит: погладь штаны, чтобы стрелки были. Я погладила. Красиво. Но промахнулась немножко, рядом со старой стрелкой новую сделала. Теперь у него штаны со шпалами. Сделай что-нибудь, а?

ОНА. Да пошла ты! Надоела! Сама шпалы клала, сама и уничтожай! Я тебе не служанка!

ИЯ. Что?

ОНА. И еще. Чтоб я из-за стены звуков отвратительных и неприятных больше не слышала. Ясно?

ИЯ. Как ты можешь! Мы...

ОНА (*перебивает*). То-то и оно, что – вы. Есть вы и я. Поэтому это я – Ия, а ты – Нея.

ИЯ. Да ты, сестренка, заговариваться начала. Он меня предупреждал, что этим дело кончится. (*Уходит*).

Вбегает МУЖ.

МУЖ. Тебе плохо, миленькая, да? А ты прими таблеточку, прими.

ОНА. Какую таблеточку?

МУЖ. Против нервов, какую?... Так надо. Я ж понимаю: ситуация тяжелая, надо нервы поддерживать. Прими.

ОНА (*берет у него из рук таблетки; читает*). «Фенамин».

В зале поднимается мужчина.

Он чуть старше Мужа, и абсолютная его противоположность: высокий, красивый, статный.

Это ВРАЧ.

ВРАЧ (*кричит*). Не делайте этого! Не принимайте это лекарство!

Муж убегает.

ОНА. Что?

ВРАЧ. Простите. Несколько дней вы рассказывали мне вашу историю, и я так увлекся, что совершенно самообладание потерял. Простите. А вы точно запомнили название препарата?

ОНА. Еще бы! Каждый день принимала. «Фенамин». А это что – яд?

ВРАЧ. Хуже. Господи, зачем ты привел в мою клинику эту женщину?

Занавес

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Полумрак.

Атмосфера какая-то нерадостная.

Когда занавес откроется, – ОНА и ВРАЧ танцуют.

Танец странный, неясный, в полумраке: танец – видение.

Она уходит.

ВРАЧ (залу). Только не надо меня учить, воспитывать. Очень прошу: не надо! Да, да, да, ты – мой учитель, да – ты лучший психоаналитик этой страны, в которой в психоаналитиках нуждаются все жители: от бомжей до членов правительства. Все так. Но я явился к тебе не на прием, я пришел к тебе, как старшему товарищу, к другу. Я пришел к тебе за советом.

Взрывается музыка.

В танце ОНА проходит через сцену и исчезает.

Ну, что я могу поделаться, если я ее все время вижу? С тех пор, как мы с моей расстались, такого не было. Хотя ты знаешь: у меня большая практика, я вот дом за городом строю. Каменный, между прочим. И разные же были женщины: и моложе ее, и красивей, а еще такие приставучие попадаются ... Заявится -какая-нибудь ко мне во всем прозрачном, практически, - в целлофане ... Достаточно легонько толкнуть ее на койку, чему она будет рада несказанно, и безо всякой этой отвратительной борьбы с пуговицами и застегжками... можно... Ну, ты понимаешь... Удобно и приятно. Но я – нет. Никогда. Потому что я – врач. Я даже мысли от себя такие гоню, чтоб не соблазняться. А тут...

Входит ОНА, садится на стул.

(*Не обращая на Нее внимания, продолжает говорить залу*). Вот эти все, которые в целлофане, они – не женщины, они – сучки. И моя тоже... Ну, бывшая... Нашла себе кабеля, и все забылось – муж, ребенок, - все... Сучки – одно слово. А это другая. Ты мне, как друг ответь: она ведь другая, правда? Она любить умеет.

ОНА. Доктор, мне кажется, я нравлюсь вам, как женщина.

ВРАЧ (залу). Вот ты – доктор с огромным опытом, чтобы ты ответил в такой ситуации? Правильно. Ну, и я молчал, пока она меня своими огромными глазами изучала. Заметь, не как сучка какая-нибудь изучала, а как – человек.

ОНА. Вы поймите: я не то, чтобы категорически против. Я даже подумала, что, может быть, с вашей помощью я смогла бы вылечиться... Я смогла бы вылечиться с вашей помощью?

ВРАЧ (залу). Самое ужасное, что может быть в нашей профессии, согласись, это когда пациент задает вопросы, а ты не можешь на них ответить.

ОНА. Почему вы молчите? Вы же – доктор, отвечайте. Мне кажется, вы не то в моем вопросе читаете. Вы думаете, я вас спрашиваю в том смысле,

что, мол, не стоит ли мне тут раздеться не для медицинского осмотра, а для иных, более взаимоприятных целей? Нет. До этого далеко...

ВРАЧ. То есть, надежда все-таки есть? *(В сторону)*. Да, глупость сказал. А ты бы на моем месте умности говорил?

ОНА. Станный разговор между пациенткой и врачом, не так ли? Но если откровенно... Простите, доктор, вы же видели моего мужа... Ну, разве можно сравнить вас и его? Вы и он – это как Ален Делон и Вицин.

ВРАЧ. Мне, как я понимаю, отведена роль Вицина?

ОНА. Так вот. Я вас спросила вовсе не для того, чтобы предлагать вам всякие глупости. Просто я подумала: если я вам нравлюсь, как женщина, то разве могу я верить вашему рассказу про фенамин?

ВРАЧ. То есть?

ОНА. Из вашего рассказа я поняла, что мой муж и эта уродина... Что они чуть ли не специально довели меня до сумасшествия? Но если я вам... извините... симпатична, - то, может быть, вы это сказали специально, чтобы ...

ВРАЧ *(перебивает)*. Вы хотите знать правду?

ОНА. Зачем?

ВРАЧ. Хороший вопрос... Мне кажется, правда поможет вам вылечиться.

ОНА. Мне? Доктор, вы ведь убеждали меня, что я – не сумасшедшая? До моего слуха даже долетело что-то такое, что я, мол, практически идеальная женщина, как говорится, Анна Каренина и Джульетта в одном очаровательном флаконе.

ВРАЧ. Отчасти это так. Только, видите ли, психически нормальные женщины с платформы на рельсы не сигают, и уж, тем более, не травят сами себя, до конца не разобравшись в ситуации... Должен вам сказать, что с точки зрения врача, любовь есть одна из самых тяжелых и трудно поддающихся лечению фобий.

ОНА. Чего, чего?

ВРАЧ. Как вам объяснить?... Вот, например, если человек убеждает себя в том, что ему жить плохо, хотя, на самом деле у него все есть...

ОНА. С жиру бесится... Это понятно.

ВРАЧ. Так вот, в этом случае излечить его куда проще, нежели, когда он убеждает себя, что любит одного человека, и жить без него не может. Хотя и то, и другое – вранье.

ОНА. Мой дорогой доктор не верит в любовь? В это большое, но человеческое чувство?

ВРАЧ. Дело не в вере. Просто я знаю, что любой психически нормальный человек всегда может найти замену своему партнеру. Я подчеркиваю: всегда.

В танце проносятся МУЖ и ИЯ и исчезают.

ОНА. Доктор, скажите мне, как психически нормальный человек - сумасшедшему: вы женаты?

ВРАЧ. Это не важно. Уже нет.

ОНА. Понятно... Так что вы там говорили насчет правды, которая поможет мне вылечиться?

ВРАЧ. Мне кажется, вы меня не понимаете... Представьте себе, что на необитаемый остров попадают мужчина и женщина примерно одного возраста. Очевидно, что у них возникнет роман, так же не вызывает никаких сомнений, что они будут благодарить Бога и судьбу за то, что из всего огромного человечества на этот остров попали именно они. Парадокс состоит в том, что так будут вести себя любые мужчина и женщина. Любые, понимаете?

ОНА. Какой же это парадокс, доктор? Им просто трахаться захочется. Извините... Вот и все. Это вы не про любовь историю рассказали, а про человеческие, так сказать, инстинкты. А инстинкты – это еще не вся любовь. Я вам свой парадокс расскажу: любой мужчина может использовать проститутку, но полюбить ее удастся только герою фильма «Интердевочка». Хороший парадокс? *(Смеется)*. Доктор, а давайте лечиться вместе. Вам не кажется, что мы оба нуждаемся в лечении, а может, оба не нуждаемся... Но – оба. *(Смеется, уходит)*.

ВРАЧ *(залу)*. Я давно заметил странную закономерность: если в мужчине начинают бороться профессионал и мужик, - мужик всегда побеждает. Впрочем, я забыл про профессию, про это, - как это называется? – долг врача, потому что мне очень хотелось, чтобы она увидела, какая гнусная тварь ее муж. И я убедил ее сделать следующее... Только не ори на меня, это уже случилось, и сколько бы ты ни орал, - ничего не вернешь. Короче. Я уговорил ее спрятаться в этой комнате, а сам вызвал ее мужа... Я был уверен, что если она поглядит на своего мужа со стороны, она все про него поймет! Гнусность? Да. Но, знаешь, я уже не в первый раз убеждаюсь: любовь только в книжках и киношках делает людей лучше, а в жизни именно любовь толкает людей на разные гнусности. Ничто не способно сделать человека таким отвратительным, как любовь. Ничто.

Входит МУЖ.

МУЖ. Добрый день, доктор. Вы сказали, что предстоит важный разговор, поэтому мы пришли вместе с... с моей... (*Мнется, подыскивая правильное слово*).

Входит ИЯ.

ИЯ. Женой. Что ты мнешься? Я – твоя жена, или ты уже передумал?

ВРАЧ (*залу*). Я обрадовался, что они пришли вместе. Я подумал: пусть она все это слышит, пусть... (*Ие и Мужу*). Садитесь, пожалуйста.

Ия, Муж и Врач садятся.

Молчание.

Муж достает из одного кармана пачку сигарет «Прима», из другого - пачку «Давыдофф».

(*берет сигареты; Мужу*). Впервые в жизни встречаю человека, который курит из двух пачек одновременно.

ИЯ. Мой муж вообще не курит. Правда, милый?

МУЖ (*теребя в руках пачки сигарет*). Я вообще не курю. Моей жене не нравится запах дыма.

ВРАЧ. Впервые в жизни встречаю человека, который не курит из двух пачек одновременно.

МУЖ. Я по привычке покупаю. Так надо. Чтобы система в жизни оставалась, понимаете? Должны ж быть какие-то ориентиры? Кстати, ваше сообщение, оно каким будет: под наши сигареты или под импортные?

ВРАЧ (*в сторону*). Учитель, вы не можете не согласиться с тем, что понятие нормы в нашем обществе сильно размыто. (*Мужу*). Думаю, что больше подойдет вонючая «Прима»... Дело в том, что в крови вашей супруги обнаружено сильнодействующее лекарство «фенамин».

ИЯ (*Мужу*). Дорогой, открой «Давыдофф» и успокойся... Ведь нет совершенно ничего необычного в том, что в крови больного обнаружено лекарство.

ВРАЧ. То есть, вы не отрицаете, что давали моей больной именно фенамин?

МУЖ. Знаете ли, с тех пор, как она заболела, мы ей столько всего ей давал. Разного. А названия лекарств не то, что запомнить, - выговорить невозможно. Кстати, вы никогда не задумывались: от чего это названия лекарств всегда такие сложные, в то время, как у сигарет абсолютно простые? Как вам кажется, от чего это происходит?

ИЯ. Какое интересное наблюдение, милый. Мне лично кажется, что все дело в рекламе. Ведь реклама сигарет поставлено хорошо, что, кстати, пло-

хо влияет, в целом, на здоровье общества, и парадокс состоит в том, что реклама лекарств поставлена куда хуже. Правда, это интересный феномен?

ВРАЧ (*перебивает; Мужу*). То есть, вы не отрицаете, что давали своей жене...

ИЯ (*перебивает*). Бывшей жене.

ВРАЧ. Вы не отрицаете, что давали моей больной фенамин?

МУЖ. Что вам от меня нужно, я не понимаю... Я ведь не специалист в лекарствах, что доктор прописал, - то я и давал.

ВРАЧ. Интересно, сколько вы заплатили этому подонку за рецепт!

МУЖ. В чем дело, я не понимаю, на что вы все время намекаете? (*Раскрывает пачку «Давыдофф», достает сигарету*).

ИЯ. Милый...

МУЖ. Да я только во рту подержу, курить не буду. Доктор, объясните мне: от чего вы так нервничаете? Я не исключаю, что наше лечение было несовершенно, возможно, мы даже совершали какие-то ошибки... Так на то вы и специалист, чтобы их исправить.

ВРАЧ. Несовершенно? Ошибки? Вы смеее утверждать, что не знали свойства «Феномина»? Вам не ведомо, что «Феномин» - это такое лекарство, с помощью которого даже нормального человека можно довести до сумасшествия?

МУЖ. Что вы говорите! Надо закурить «Приму»... Да я, ей – Богу...

ВРАЧ. Молчать! (*В сторону*). Господи, если и вправду любовь – это бездомная собака, то почему она так часто рождается в помойке от подобных идиотов?! (*Мужу*). Вы специально доводили вашу жену до сумасшествия! Слышите вы: специально! Конечно, когда жена живет в одной квартире с мужем и его любовницей, - любой поверит, что она рехнулась. А вы ей просто в этом немножко помогли, совсем чуть-чуть... Только если бы не эта ваша помощь, она бы до сих пор жила с вами, а не здесь...

МУЖ. Как вы смеее говорить такое! Так не надо! Кто вам позволил говорить такие пошлости!

ВРАЧ. Признайтесь лучше, что я сказал правду. Вы же – мужчина, признайтесь. И вам самому сразу станет легче.

ИЯ. Не доказуемо.

ВРАЧ. Что?

ИЯ. Все, что вы говорите, - не доказуемо. Ну, перепутали, ну, ошиблись, - с кем не бывает? По телефону спросили у знакомых, они посоветовали... У

каких именно знакомых? Кто ж это упомнит? Мы ведь многим звонили, потому что волновались. Кто-то посоветовал глупость, - бывает...

МУЖ. Милая, что ты говоришь?

ИЯ. Молчи. Доктор, вы чего, дорогой мой, добиваетесь? В тюрьму нас хотите посадить? Не получится. Вы – умный человек, и прекрасно понимаете, что мы выиграем любой процесс. А потом я сделаю все для того, чтобы вас опозорить. Но это так, к слову...

ВРАЧ. Вы еще мне угрожаете?

ИЯ. Глупая реплика, из современной киношки взятая, даже отвечать не охота... Я хочу вам посоветовать, доктор, поучиться разговаривать у чеховских персонажей. Вы «Вишневый сад» давно перечитывали?

ВРАЧ. Что?

ИЯ. Вижу, что давно... Ну, да ладно не будем отвлекаться. Не спору: нам бы не хотелось, чтобы вся эта история всплыла. Не потому, что мы вас боимся, а потому что, - суды, нервы, затраты... К чему все это? Так что если вы пригласили нас обсудить некие финансовые вопросы, - это всегда можно сделать. Я вообще считаю: лучше потратить лишние деньги, нежели лишние нервы. *(Мужу)*. Не так ли, милый?

МУЖ. Да. Так надо. Надо так.

ВРАЧ. Мне ничего от вас не надо.

ИЯ. Доктор, вы явно слишком много читаете детективной литературы, это отрицательно сказывается на словарном запасе. Хорошо. Я буду говорить на понятном вам языке. *(Ерничая)*. Послушай, малый, зачем ты пригласил нас? Что ты хотел вытрясти из нас? Раскалывайся...

ВРАЧ. Вы оба – сумасшедшие! Вы – семья психов! Вы...

ИЯ. Не доказуемо, доктор. Все, что вы говорите: не доказуемо. *(Ерничая)*. Скажи, малый, какие твои условия, и разойдемся, как цивилизованные люди.

Выбегает ОНА.

На Ней – красивое платье, в руках – зажигалка.

ОНА *(бросается к Мужу, щелкает зажигалкой)*. Кури! Кури, мой дорогой, какие хочешь, но кури!

МУЖ. Я бросил...

ОНА. Подбери.

ИЯ. Доктор, это еще что такое?

ОНА (*надвигается на Ию с зажигалкой в руках*). Я тебя спалю, сучка! Дрянь! Это ты все! Это все ты! (*Доктору*). Спасибо вам, доктор, я теперь поняла, кто довел меня до сумасшедшего дома. (*Мужу*). Кури! - я сказала, - кури! (*Мечется между Ией и Мужем, периодически вспыхивая зажигалкой*).

ИЯ (*Врачу*). Доктор, оградите меня от этой сумасшедшей.

ОНА (*надвигаясь на Ию*). Да, я – псих. И когда я прибью тебя, мне ничего не будет. Ничего! Потому что я - сумасшедшая! Сумасшедшая я!

*Она пытается ударить Ию.
Ия уворачивается, отбегает.*

ИЯ. Остановите ее кто-нибудь! Она меня убьет!

ОНА. Это не убийство, это – дуэль! Как у Чехова! (*Смеется*).

МУЖ (*обхватывая Ее сзади*). Успокойся, пожалуйста, так не надо. Успокойся.

ОНА. Милый, что она с тобой сделала? Запретить тебе курить... Какое варварство!

МУЖ. Успокойся. Все хорошо. Успокойся.

ОНА. Ты будешь курить, ладно? Ты обязательно должен начать курить, хорошо?

ИЯ (*Врачу*). Смею вас уверить, я это так не оставлю.

ОНА (*Мужу*). Милый, любимый, единственный, ну, пожалуйста, разреши я ее прибью, а? Это такая радость: прибить гадину, и знать, что тебе ничего за это не будет.

ИЯ (*Мужу*). Пойдем, нам здесь больше нечего делать.

МУЖ (*Ей*). Я пойду? А мы на днях придем тебя навестить. Обязательно придем.

Ия и Муж уходят.

ОНА (*Врачу*). Теперь-то вы видите, что он ни в чем не виноват?

*Резко наступает темнота.
В луче света – Врач.*

ВРАЧ. Все время хочу договориться с жизнью, вступить с нею в сговор. Ты – мне, я – тебе. С жизнью. В юности, конечно, можно метаться, делать опыты над жизнью, пробовать... Но, когда исполняется сорок лет, или где-то около того, уже необходимо точно знать, что можно делать, чтобы жизнь тебя полюбила, а чего делать ни в коем случае нельзя. Пол жизни уходит на поиски поведения, приятного для жизни, на поиски законов своего собственного существования. А потом уже надо вступить в сговор с жизнью, и жить,

согласно этому сговору. Мое сорокалетие – в прошлом, там же, где моя жена, где другие женщины, которых я любил. Так что ж я делаю? Разве я не убедился еще, что любовь не принесет мне ничего, даже страданий настоящих, красивых страданий и тех не даст, а будут только пакости одни и нелепости. Может, у нее любовь и рождается, словно бездомная собака, а у меня любовь – как комар: пожужжит мерзко, крови попьет, потом прихлопнешь комара, а чесотка от его укусов долго еще не проходит. Вот и вся любовь.

Полный свет.

ОНА (Врачу). Теперь-то вы видите, что он ни в чем не виноват?

ВРАЧ. Вы ведь нормальный человек. Нормальный. Неужели вы так и не поняли, что ваш муж специально кормил вас этим чертовым феномином, чтобы вы попали сюда, а он мог бы развлекаться в вашей квартире с этой длинноногой дрянью?

ОНА. Доктор, мне кажется, она вам тоже не понравилась. Это нас сближает. Не так стремительно, как вам бы хотелось, но сближает.

ВРАЧ (в сторону). Знаешь, за что я ненавижу любовь? За то, что она делает мужчину слабаком, и он даже готов испытать радость от того, что подчиняется бабе. (Ей). Вы вправду ничего не поняли? Или делаете вид?

ОНА. Знаете, доктор, за что я люблю любовь?.. Люблю любовь, неплохо сказано, почти по - чеховски... Так вот, я люблю любовь за то, что она делает мужчину слабаком, и он даже готов испытать радость от того, что подчиняется женщине. Вот вы, например, уже готовы подчиниться мне...

ВРАЧ (растерянно). Я... Но... Вы...

ОНА. Не блейте, вы не в стаде... Что вы хотели мне доказать? Что мой муж подчинился дуре, что он готов выполнять любые ее прихоти? Я в курсе.

ВРАЧ. Так почему же...

ОНА (перебивает). Кстати, доктор, давно хотела вас спросить, как влюбленный - влюбленного: от чего это, на ваш взгляд, женская проституция столь развита во всем мире, а мужская – нет?

ВРАЧ. Чего?

ОНА. Нет, дорогой доктор, это мычание за ответ не засчитывается. Тогда я сама отвечу. Все дело в том, что женщины легко прощают мужикам их слабости, а мужчины не прощают женщинам вообще ничего. Что делает женщина, когда понимает, что ее любовь - в прошлом?

ВРАЧ. Ну...

ОНА. Что ж вы все мычите-то? Вам это не идет. Так вот, женщина, когда понимает, что ее любовь в прошлом, бросается под поезд, как сумасшедшая

Анна Каренина. А мужчина, в аналогичной ситуации, подает в суд на свою жену, как и поступил ейный муж, абсолютно нормальный господин Каренин.

ВРАЧ. Исходя из этой логики, вы должны броситься под поезд.

ОНА. Когда-нибудь, любезный господин доктор, мы обсудим с вами, так ли уж принципиально отличается поезд от сумасшедшего дома... *(Подходит к Врачу, целует его)*. Мне приятно ваше внимание, но... «Я другому отдана, и буду век ему верна!» Какие хорошие слова... Наверное, их написал Чехов. *(Уходит)*.

Некоторое время Врач сидит молча.

ВРАЧ. Я представил себе, как мы с тобой разговариваем, как ты – лучший психоаналитик страны, в которой в психоаналитиках нуждаются все жители: от бомжей до членов правительства, - отвечаешь на мои вопросы.

Дальнейшая сцена – это спектакль, в котором Врач играет и за себя, и за своего друга – человека толстого и медлительного.

(За себя; как бы продолжая разговор). Хорошо. Пусть любовь – болезнь, тебе известен способ ее лечения? *(За своего друга)*. Видишь ли, дружище, наука до сих пор не дала точного определения самому понятию «любовь». Однако, очевидно, что, если мы сравним симптоматику влюбленного человека, и того, кто болен нервным расстройством, - они фактически совпадут. *(За себя)*. Ну, и ты знаешь, как это все лечить? *(За своего друга)*. Конечно. И ты знаешь. *(За себя)*. Я не знаю. *(За своего друга)*. Знаешь. *(За себя)*. Не знаю, не знаю, не знаю! *(За своего друга)*. Знаешь. Сколько у тебя медсестер в клинике? Ну, которым до тридцати лет, причем, не по паспорту, а по виду? *(За себя)*. Не знаю! Не смотрел! Не считал! *(За друга)*. Считать, как раз, и не надо. Надо другое с ними сделать. С каждой. И лучше – по несколько раз! И, уверяю тебя, то, что ты называешь любовью, - исчезнет, как утренний туман. *(За себя)*. Как ты можешь так говорить! Ты не понимаешь, что такое любовь! Ты забыл! Ты не понимаешь! *(За друга)*. Доктор, а ты в курсе, что нервные расстройства лечатся всякого рода физиологическими воздействиями? Повторяю тебе, и как врач и как мужчина: каждую, и - по несколько раз! Каждую! Каждую! *(За себя; залу)*. Нет, он бы меня не понял! Да и никто б меня не понял, если бы я стал рассказывать про то, что со мной творится. Зато советы все бы стали давать, это уж, - будьте любезны! Как же мы любим давать друг другу советы во всем, что касается любви! Ничто так не возвеличивает нас в собственных глазах, как советы другим про их личную жизнь! *(Ерничает, изображая женщину)*. Милочка моя, да ты б ему лучше изменила пять раз, он бы тебя еще больше любил! А ты редьку ему на ночь не пробовала давать? Говорят, помогает. Да ты что, душенька моя, он меня пока пять раз ни попросит, я к нему и лица не поверну: мужчина должен нас завоевывать, как евреи – арабов, тут вечная война, без перемирий. *(Серьезно)*. Господи, ну, где мне найти тот туалет, около которого я должен ее ждать?

Входит ОНА в полупрозрачном одеянии.

ОНА. Нам с вами, доктор, туалет не поможет. Это другая история. Нам надо что-то свое придумать.

ВРАЧ (залу). Она была невероятно соблазнительна. И она пришла ко мне.

ОНА. Я подумала: я от своей любви мучаюсь, вы – от своей. Глупо как-то. Я вот пришла...

ВРАЧ (залу). Она была невероятно соблазнительна. И она пришла ко мне. Я ужасно испугался, и начал ей объяснять что-то неясное. (Ей). Я хочу, чтобы вы меня поняли правильно. Дело в том...

ОНА. Что ж тут понимать: женщина понравилась мужчине. Вот и все.

ВРАЧ. Не, не, не... Это важно. Понимаете, моя жена бросила меня, она от меня ушла. Мне вообще в любви не везло, и я решил: все. Хватит. Никогда. А тут – вы...

ОНА. Доктор, давайте договоримся не вспоминать своих бывших родственников?

ВРАЧ. Да, конечно, конечно. Я – не про родственников, нет. Я - про вас, про вас. Мне важно, чтобы вы знали: я полюбил вас за вашу любовь, понимаете? Я не верил, что женщина может так любить, я...

ОНА. Тс-с-с, доктор. Мне кажется, вы позабыли: между мужчиной и женщиной иногда возникают такие ситуации, когда нелепыми выглядят даже объяснения в любви.

Звучит музыка.

Она и врач танцуют.

Появляется ИЯ, стучит Врачу в спину, как в дверь.

ИЯ. Доктор, можно к вам?

Темнота.

В темноте Она исчезает

Доктор остается в луче света.

ВРАЧ (залу). И тут явилась эта молодая идиотка. Нет, эта женщина просто создана для того, чтобы разрушать чужие мечты. Мне так хорошо мечталось, все казалось таким реальным. И тут, - она...

Полный свет.

ИЯ. Доктор, можно к вам?

ВРАЧ. В чем дело? Вы пришли мне угрожать?

ИЯ. Доктор, разве я похожа на женщину, которая может угрожать? Посмотрите на меня внимательно.

ВРАЧ. Вы не Мадонна, чтобы вас разглядывать. Какой у вас ко мне вопрос?

ИЯ. Интимный. Мне не нравится состояние моего мужа.

ВРАЧ. Мне тоже не нравится состояние вашего мужа. Но таким уж его создал Господь Бог. Обращайтесь к Нему.

ИЯ. Господь далеко, а вы – близко. Доктор, может быть, вы не будете больше на меня злиться? В конце концов, вы – врач, и обязаны лечить людей. Моему мужу плохо.

ВРАЧ. Что с ним?

ИЯ. Он, видите ли, тоскует.

ВРАЧ. В каком смысле тоскует?

ИЯ. Я забыла: вы Чехова читали? Ну, вообще в чеховском: пьет водку и говорит о бессмысленности жизни.

ВРАЧ. Понятно. Разрешите ему курить.

ИЯ. Уже разрешила.

ВРАЧ. И что?

ИЯ. Пьет водку, курит и говорит о бессмысленности жизни.

ВРАЧ. Я думаю: большинство населения нашей страны тоскует подобным образом. Вы что, предлагаете мне всех лечить?

ИЯ. Большинство населения нашей страны меня совершенно не волнует. Меня волнует состояние моего мужа. Это состояние от слова «sos». Эдакое состояние – «sos». «SOS» – сигнал бедствия, понимаете? И этот сигнал я подаю вам.

ВРАЧ. Милая моя, чего вы от меня хотите? Вы отправили в сумасшедший дом одного человека, теперь хотите отправить второго. Что вам надо? Кто вы такая, в конце концов?

ИЯ. Я? Женщина. А что, разве не заметно? Женщина, которая хочет любить и быть любимой, что в этом предосудительного? А за любовь надо бороться. Вы не замечали, доктор, что в этом мире бороться надо буквально за все. Мне это не нравится, но что поделать, если по-другому не получается?

ВРАЧ (залу). Я чувствовал, что начинаю ее ненавидеть.

ИЯ. Мой муж – плох, ему явно не по себе. А я теперь точно знаю: лекарствами можно довести человека до любого состояния...

ВРАЧ. Так, значит, я все-таки не ошибался, и феномин в крови, - не случайность?

ИЯ. Эту тему мы уже обсуждали, доктор. И вообще, что это за странная привычка: перебивать клиентов, когда они рассказывают о болезнях? И так, я хочу получить от вас лекарство, с помощью которого моего мужа можно вывести из состояния чеховской тоски.

ВРАЧ. Дело в том, что все...

ИЯ (*перебивает*). Только не надо мне опять трендеть про всю страну. Вся страна тоскует, чтобы не работать, а мой муж – совсем по иным причинам. И так, я хочу получить от вас какой-нибудь хороший антидепрессант. Готова заплатить за него хорошие деньги.

ВРАЧ (*залу*). Я раздумывал: как бы мне ее вышвырнуть поинтеллигентней. Раздумывал, видимо, слишком долго, потому что тут явился этот чеховский персонаж.

Входит МУЖ.

Заметно, что он весьма пьян.

МУЖ. Здравствуйте. Извините, что без звонка. Тянет почему-то именно сюда.

ВРАЧ. Здравствуйте.

ИЯ. Явился, тоскун... Вам не кажется, доктор, что тоскун и потаскун – такие похожие слова?

МУЖ (*Врачу*). И не обращайтесь на нее внимания: она умничает все время. Как думаете, доктор, зачем Бог дал женщине ум? Мне кажется, он это сделал, не подумав.

ИЯ. Как тебе не стыдно являться в таком виде!

МУЖ. А у меня какой вид есть, в таком я и являюсь. Я же не этот... Не хроматрон.

ВРАЧ. Хамелеон.

МУЖ. Ну. И ты тоже, - очень умный. (*Достает пачку сигарет, закуривает*). Еле достал. Кубинские. Думал, для отражения моей жизни в продаже сигарет нет. Есть! Каждая такая сигарета – это буквально газовая атака внутри организма. Вы, доктор, наверное, меня не уважаете совсем?

ВРАЧ. Я – врач, я не могу уважать или не уважать своих пациентов. Я их лечу.

МУЖ. Чувствую: не уважаете... И – правильно. Я – слабый человек. Я то чего думал? Я думал, если рядом со мной окажется женщина с длинными ногами, с этими... Ну, вообще, со всеми делами, - то в кармане непременно будет «Давыдофф». А чего получилось? Ноги есть, а в кармане – кубинская отравка. Вы понимаете логику?

ВРАЧ. Вообще, - да.

МУЖ. Умный. А я вот перестал понимать логику этой жизни. А ведь в жизни логика должна быть обязательно. Ведь если в жизни нет логики, то где ж она тогда есть?

ИЯ. Милый, ты бы шел домой. Ты болен. Сейчас доктор подберет тебе лекарство, и все будет в порядке.

МУЖ. Все в порядке будет, когда мы все ляжем в гроб. Тогда будет порядок и тишина. Правильно? (*Врачу*). Хотите, расскажу вам одно свое наблюдение, хотите? Вот биржа... ну, биржа там... где деньги... по телевизору показывали... Биржа. Центр жизни. А там – хаос и суета. А вот на кладбище – тишина и покой. Почему так? Грустно... Выпить хотите, доктор, у меня есть? (*Достает из кармана початую бутылку*).

ИЯ. Доктор на работе не пьет.

МУЖ. А где ж он тогда пьет? Доктор, где вы пьете? Дома? У вас есть дом? Хорошо. А у меня – нету. Подевался куда-то... А, хотите, доктор, я расскажу вам, что такое дом?

ВРАЧ. Может быть, вы хотите прилечь? Тут у нас можно прилечь, отдохнуть.

МУЖ. Нет, ну, почему вы все намекаете мне на кладбище? Я туда не хочу! Человек всю жизнь убегает от кладбища, а оно его все равно настигает, в конце концов. Вот ужас! Доктор, я вам обещал рассказать про дом. Так вот, дом – это крепость, которая защищает нас от кладбища. Вот что я вам скажу. Не, не, не... Но я что-то еще хотел сказать, другое...

Вбегают ОНА.

В ужасе замирает.

ОНА (*медленно поворачивается к Ие*). Сука! До чего ты его довела, дрянь! Скотина!

Она бросается на Ию.

Ия в страхе отбегают.

Муж становится между Ней и Ией.

МУЖ. Тихо, тихо, тихо... Не надо шуметь, драться. Не надо. (*Подходит к Ней, гладит Ее по волосам*). Прости меня.

ОНА. Да ну ,что ты, что ты... Пойдем, ты ляжешь.

МУЖ. И эта – про кладбище. (Ей). Знаешь, с тех пор, как ты ушла... Ну, как мы расстались... Я стал ужасно бояться умереть. Человек ведь почему пьет? Чтобы про кладбище не думать. А других причин и нету.

ОНА. Что ты, хороший мой, ну, успокойся, успокойся. Все в порядке. (Обнимает его, в кармане нащупывает пачку сигарет). О, смотри, у тебя же сигареты есть. Надо закурить. (Достаёт пачку, внимательно ее рассматривает). Кубинские? Ужас какой! Что ж ты куришь-то такую гадость?!

МУЖ. Вспомнил! Доктор, я вспомнил, что я хотел у вас спросить. У вас дети есть?

ВРАЧ. Есть... Правда, я их не видел давно.

МУЖ. Это не важно. Я вот биржу тоже давно не видел... Даже вообще не видел никогда, а она все равно есть... (Ей). Слушай, а давай сделаем так, чтобы у нас были дети?

ИЯ. А ко мне, сволочь пьяная, ты не хочешь обратиться с таким предложением?

Она молча хватается за стул и бросается на Ию.

Доктор едва успевает ее перехватить.

ДОКТОР (Ей). Успокойтесь. (Ие). А вам бы я советовал помолчать.

МУЖ. А я бы всем советовал помолчать. Потому что в этих разговорах - никакого смысла, совсем никакого. Смысл, - он в чем-то другом.

ОНА (Мужу). Пойдем отсюда?

МУЖ. А куда? Туда, где делают детей?

ОНА. Пойдем, пойдем... Скажу тебе по секрету, что сделать детей – это самое простое занятие. Жаль только, что ты раньше об этом не догадывался.

Она и Муж уходят.

Но через мгновение ОНА возвращается, подходит к Врачу.

Спасибо вам. За поддержку. Поддержали меня, а то бы я совсем рухнула. Я, кстати, по-прежнему верю в дружбу между мальчиком и девочкой. Несмотря на опыт жизни. (Уходит).

ИЯ. Вы знаете такую песню (начинает петь). «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья...»

ВРАЧ. Чего?

ИЯ. Какой вы непонятливый... Вы что не поняли, что мы остались с вами вдвоем?

Резко гаснет свет.

В луче остается Врач.

Произнося свой монолог, он постепенно спускается в зал, и заканчивает его в зале, обращаясь к зрителям.

ВРАЧ. Нет у меня друга психоаналитика. Учителя... Лучшего в стране... Ля-ля-ля... Нету! Только у случайных, у незнакомых людей могу я просить совета. Скажите, вы случайно не знаете, где находится туалет, где работают женщины, умеющие любить? Не знаете... (*Ерничая*). Любовь свободна! Хочет, - рождается, как бездомная собака, хочет, – не рождается! (*Серьезно*). Скажите, как вы думаете: если любовь - болезнь то, может быть, ею как-нибудь можно заразиться? Ах, да, вы, - правы: нервные болезни – не заразные. А что же делать? Что же мне делать, а?

Свет.

ИЯ. Какой вы непонятливый. Вы что не поняли, что мы остались с вами вдвоем?

ВРАЧ. На необитаемом острове?

Полумрак.

Атмосфера какая-то нерадостная.

Занавес

К О Н Е Ц